

Николай Кибардин

НУЖЕН ЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ДЛЯ ПОДРОСТКОВ? (БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА) (1929)

*Впервые опубликовано в: Просвещение на транспорте. 1929.
№ 6. С. 122–124.*

По общим статистическим данным детских библиотек из научных отделов наименьшим спросом читателей пользуется отдел третий — социологии и обществоведения. Из него книги берутся по заданиям школы, пионер-отряда; из него книгу спрашивает вожатый звена для проведения своей работы, для подготовки к общественно-политическим кампаниям. Но сам читатель-подросток тянется из научных отделов к естествознанию (особенно зоология, физика, биология, меньше ботаника), к технике (авиация, радио и т. д.), а обществоведческую книгу берет изредка с выставки, со стола выбора и т. д., то есть под особым, хотя и косвенным, давлением библиотекаря.

Значит ли это, что у современного подростка нет интереса к обществоведческим темам? Нет, справочная работа каждой детской библиотеки, когда читатель опускает свои вопросы в справочный ящик, показывает, что над всеми его интересами превалируют именно обществоведческие, в особенности текущего дня, газеты. Начиная с третьей и даже второй группы, читатель уже спрашивает, что такое коммунизм, будет ли война и т. д.

Но его обществоведческим запросам не удовлетворяет научная книга; для него требуется изложение, наполненное эмоциональностью, заражающее его доступным содержанием. Между тем книжный рынок дает нам прекрасно сделанные «занимательные» физику (Перельман), химию (Рюмина), минералогии (акад. Ферсмана), авиацию (Вейгелина) и т. д., но занимательного обществоведения никто еще не написал. Даже хорошо проработанной и изданной

биографии В. И. Ленина для подросткового возраста у нас нет («Детям о Ленине» — ходовая книжка, но для младшего возраста).

Потому подростку приходится заполнять свои общественные интересы исторической беллетристикой, она волнует его своей революционной зарядкой, он находит в ней элементы приключения; наконец, у него сейчас заметна большая тяга к выяснению исторической перспективы, иногда совершенно для него отсутствующей. Девочка из 5-й группы дает, например, в справочный отдел такой вопрос: «Напишите, жив ли Коперник, и если жив, то в каком городе живет, а если помер, то где похоронен». Вопрос очень характерный для современного подростка. И в силу этих запросов он тянется к Вальтер-Скотту, Гюго, Лажечникову и т. д., смотря по возрасту. Обычно наш читатель не знает автора, но Вальтер-Скотт известен большинству.

Библиотекарь детской библиотеки поставлен перед вопросом, следует ли комплектовать библиотеку новыми изданиями Вальтер-Скотта и другими историческими повестями и романами. На курсах обществоведов II ступени, при обзоре литературы, нам, вместо ответа, дан был вопрос: «а нужен ли Вальтер-Скотт в современной школе?». Значит, библиотекарь не может в этом случае положиться и на твердое мнение специалиста-учителя об этом классике исторического романа, «шотландском барде», как его называл Пушкин.

Чем привлекает Вальтер-Скотт современного подростка? Для выяснения этого вопроса один из романов («Роб-Рой») в Центральной детской библиотеке Цутранпроса был сдан для проработки в небольшой рецензентский кружок, состоящий из учеников 8-х и 9-х групп. Рецензенты отметили прежде всего приключенческий элемент, заинтриговывающий ученика 5–6 группы, склонного к авантюрному произведению, в литературоведческом смысле этого слова. Старшему возрасту нравится здесь ясность сюжета: «все понятно — кто положительный герой, кто отрицательный»; интересны для него описания исторических зданий, местечек; много дают исторические примечания к новому изданию ЗИФ. Затем отмечен общий спокойный тон романа: «следишь за приключениями, а сам спокойно читаешь изо дня в день». Наконец, по специальному заданию — проследить формы классовой борьбы в эпоху феодализма — рецензенты отметили несколько страниц, где выясняются причины бедности шотландских горцев, задавленных феодалами (стр. 280 изд. ЗИФ). И ни один из кружка, несмотря на специальное задание, не счел нужным прочитать предисловие,

в котором редактор вскрывает, обычно, классовую сущность произведения.

Так говорят наиболее сознательные читатели старших групп школы. Библиография последних месяцев дает нам свой анализ Вальтер-Скотта, при современных социальных установках.

Каждый роман в новых измененных изданиях ЗИФ'а и Молодой Гвардии, как было уже сказано, предваряется предисловиями редакторов (проф. Фатов, т. Ларин и др.). Хотя, как показал опыт, даже ученики 9-й группы предисловий не читают, но предисловие могло бы дать установку для учителя, для библиотекаря. К сожалению, эти предисловия по большей части стремятся прежде всего продвинуть книгу издательства, а не дать ее беспристрастный анализ. Рецензент двух таких предисловий к роману «Айвенго»¹ (в изданиях ЗИФ и Молодой гвардии) вскрывает всю преувеличенность разъяснений редакторов — как исторического содержания, так и значения романа, одного из наиболее популярных среди юношества. Идеализация феодального строя, затушеванность классовых противоречий в предисловиях слабо вскрываются, так что и для библиотекаря они не могут служить надежным руководством для анализа книг. Как же быть?

Здесь выдвигается большой вопрос, следует ли подходить к историческому роману как к историческому документу эпохи? Ясный ответ на этот вопрос дает М. Н. Покровский в предисловии к недавно вышедшей книге Галины Серебряковой «Женщины эпохи французской революции»². «Весьма наивен был бы тот, — говорит он, — кто принял бы „Айвенго“ Вальтер Скотта за подлинное воспроизведение рыцарских нравов XII в. или „Войну и мир“ — за подлинное изображение русского общества начала XIX в. Герои Толстого отнюдь не современники Сперанского и Пестеля, изображенные под углом зрения начала 1860-х годов: это просто люди того общества, в котором жил Толстой, его соседи и соседки, друзья и родственники, переодетые в костюмы времен Первой империи». Правда, те историки, которых М. Н. Покровский относит к категории прежних «мастеров исторической живописи», при композиции своих картин пользовались историческим романом как эскизом. Но это не подтверждает исторической документальности последнего. Это необходимо иметь в виду т. Полтавскому, когда он доказывает, что «точность изображения у Вальтер Скотта не только второстепенных деталей, но и основных исторических фактов была так велика, что известный французский историк Огюст Тьерри в своем большом труде „История завоевания Англии норманами“³ целые эпизоды

излагал по роману „Айвенго“ и что к художественным произведениям Вальтер-Скотта, как к почти научному источнику, обращался Маколей»³.

Автор сам свидетельствует далее о тех срывах и погрешностях Вальтер-Скотта против исторической действительности, которые заставили Тэна резко заявить о ложности нарисованных романистом картин далекого прошлого (стр. 8).

Насколько сильно в историческом романе отражается классовая точка зрения автора, хорошо показывают романы из эпохи Великой французской революции, которая грандиозностью социальных сдвигов привлекала к себе особое внимание художников слова. Мы имеем из этой эпохи произведения таких разнородных по своим социальным установкам авторов, как Диккенс («Повесть о двух городах»), Гюго («93-й год»), А. Франс («Боги жаждут»). В предисловии к недавно вышедшему историческому роману Алтаева «Когда разрушаются дворцы»⁴ т. Нусинов так характеризует отправные точки зрения этих трех известных романистов: «Диккенс утвердил через революцию свою основную мораль о вечной победе добра над злом, Виктор Гюго... над осужденной им республикой террора возвысил республику милосердия — этот пацифистский идеал буржуазного демократа, А. Франс показал Французскую революцию как временное поражение материи, все действия которой предопределены вечными законами» (стр. 7).

Не является ли такой классовый и субъективный подход романистов к воспроизводимой ими эпохе поводом к изъятию всех этих классических произведений из оборота современного читателя подростка? На этот вопрос можно найти снова ответ у М. Н. Покровского. «Изгнанный из истории—науки вопрос о воскрешении прошлого, — говорит он, — возвращается к нам со стороны педагогики. Популярные книжки по истории должны давать не только идеи и выводы, но и образы. Без этого есть большой риск, что вместо идей и выводов будут запоминаться просто слова. Слова, с которыми не связано никакое конкретное представление... Не мудрено, если проблема исторического романа вновь всплывает в наши дни, притом в очень усложненной постановке. Есть сторонники — и их много — старого классического романа, созданного когда-то Вальтер-Скоттом» (стр. 8).

Прием изъятия старого исторического романа из библиотек неприменим и потому, что частью классические романы вошли в программы ГУС'а старших групп, причем в программах устанавливается желательность предварительного знакомства с ними.

Затем, удовлетворяя запросам юношества, эти книги, переизданные в большом количестве, и помимо библиотек будут жить среди читателей.

Педагогически более целесообразно классический исторический роман, отобрав в библиотеку в новых изданиях наиболее ценные из них, куда могут войти несколько произведений Вальтер-Скотта⁵, поставить под особое руководство и преподавателей, обществоведа, словесника, и библиотекаря. При этом при выдаче таких книг можно почти всегда противопоставить им другие художественные произведения, более четко обрисовывающие ту же эпоху. Так, напр., дофеодальному периоду можно дать увлекательную подростка историческую повесть Бэро «Проклятое урочище» (Моск. Рабочий, 1927 г. стр. 123, цена 90 коп.), в которой в художественной форме вскрывается классовая борьба во французской деревне на протяжении пяти столетий, перед Великой Французской революцией. Романы из эпохи Великой революции можно дополнить упомянутым выше романом Алтаева «Когда разрушаются дворцы», не того калибра по художественной ценности, но просто сделанного, доступного подросткам и построенного по марксистским схемам.

Еще более ценным будет переключение заинтересованного историческим романом подростка на другие формы художественного воспроизведения истории, сохраняющие большую достоверность эпохи. Сюда нужно отнести прежде всего биографическую повесть, которая может быть выдержана в более строгих научных тонах и которая ведет читателя к мемуарной литературе. Такие повести, как «Кюхля» Тынянова, подростка влекут, заражают его героизмом, эмоциональностью. К этому типу произведений относится и выше цитированная книга Серебряковой «Женщины Французской революции», где сделана попытка, на основании документальных данных, восстановить образы деятелей великого прошлого. Такой тип произведений, правда, несет в себе значительную часть грехов исторического романа, но сосредоточенный на одной личности автор здесь легче опознается в своей классовой сущности. В то же время биограф. повести могут служить хорошим мостом для переброски читателя уже к подлинной научной мемуарной книге⁶. Записки и мемуары революционных деятелей захватывают подготовленного к ним подростка. Ему легко продвинуть Лепешинского — «На повороте» или Зеликсон-Бобровской — «Записки рядового подпольщика».

Наконец, мы имеем новую форму исторического повествования, как упомянутая выше книга Снегирева — «Похождения Бернгарда

Шварца». Она представляет собою художественное воспроизведение жизни Московии в XVII в. по описанию путешествия известного Адама Олеария (Эльшлегера), с присоединением сюда записок и других западно-европейских писателей-путешественников — Герберштейна, Джонкинсона и др. Конечно, такое произведение лишено сюжетности, носит на себе характер дневника, не чуждого субъективизма. Оно читается детьми старшего возраста (7–9 гр.), но и оно требует уяснения целей, обстоятельств и поводов, облеченных в художественную форму записок, приближая читателя к пониманию известной исторической эпохи.

Примечания

- ¹ Ипполит И. — О двух замечательных выдержанных предисловиях. Книга и Революция, 1929 г. № 2, стр. 54–55.
- ² Гиз, М. Л. 1929 г., стр. 167, ц. 2 р.
- ³ Вступительная статья к историческому повествованию В. Снегирева «Похождения Бернгарда Шварца (через Московию на Восток)», ЗИФ, 1928 г. М. Л. стр. 412, ц. 2 р. 75 к.
- ⁴ Молодая Гвардия, М.-Л., стр. 268, цена 2 р. 10 к.
- ⁵ Даже строгий критик Вальтер-Скотта — т. Ипполит признает, что некоторые его романы, как напр., «Айвенго» и др., имеют значение и для современного читателя (цит. соч., стр. 55).
- ⁶ В нашем журнале был сделан обзор новой детской биографической литературы, 1926 г., № 11, стр. 116–118.